

... **Т**артарские барашки, — произнес смотритель, увидев, что я застыла возле экспоната. — Потрясающий вид. Поедали свой стебель, а потом умирали.

— Ужас какой, — тихо произнесла я, глядя на крошечных барашков со слегка поредевшей от долгого хранения в музее шкуркой. — Но разве они не могут передвигаться, когда съедят свой стебель?

— Они же от него и питаются, — пожал плечами молодой человек; странно было его видеть на месте, которое обычно занимают пожилые дамы. — Насчет другой пищи — ну, это сложно: насколько я знаю, ученые так и не ответили на вопрос, почему барашки не могут усваивать другие растения. Еще у них ноги слишком слабые. Трагическая история: барашки стремятся к земле, по которой не способны передвигаться... Ничего удивительного, что они вымерли. Странно, что такие занятные твари вообще могли появиться.

— Вымерли... — тихо произнесла я, не отводя взгляда от информационной таблички возле одного, самого милого ягненка:

«ТАРТАРСКИЙ БАРАШЕК

(лат. *Agna tartarius*)

Появились на территории Тартарии (сов. Центральная Евразия) и жили до 1662 года, пока путешественник Джаккомо Честини не сорвал последних из них, чтобы принести в дар Виктории делла Ровере. Найдены многочисленные останки на территории... Шерсть тартарских барашков использовалась для...»

Ну, вот я и заплакала.

Я быстро заморгала и лихорадочно стерла набежавшие слезы: не очень-то хотелось реветь перед целым классом. Я боюсь даже не насмешек от дебилов-одноклассников, чтоб им пусто было, — как раз наоборот, куда страшнее взволнованные вопросы «Ой, а чего ты плачешь?», монотонные разбирательства и утешения — ну, дескать, «не реви, все хорошо, ну да, они давно умерли, пойдем на кого-нибудь еще посмотрим...»

Ну уж нет, лучше идти как-нибудь позади и делать вид, что все нормально. Оставляя напоследок внимательный взгляд, прикованный к игрушечно-маленьким чучелам крошечных барашков с растущим из пупка толстым пластмассовым стеблем.

* * *

Вечером я неохотно делилась впечатлениями от похода в музей с мамой. Да, все понравилось. Не знаю, что больше. Да, единорогов видели. И мантикору. И перитона. Этого? Нет, не видели... а-а-а, да, было, было, я просто забыла. Нормально съездили, да. Кто больше всех понравился? Ну, не знаю. Ну, наверное, эти, как их... не помню. Мама вздохнула, обменялась с папой ироническими замечаниями о том, что современную молодежь ничего не интересует (а вот папа из музея, например, днями напролет не вылезал!), и мы пошли есть мороженое в «Макдоналдс». Я не стала говорить ни про свои слезы, ни тем более про тартарских барашков — а зачем? Не то чтобы я не доверяю

своим родителям и не думаю, что им будет неинтересно слушать про мои интересы, просто...

Не знаю, почему я не хочу им об этом говорить, но вообще-то не хочу. Даже сама мысль, что кто-то может узнать об этом, сильно пугает меня.

Дома я вместо уроков клею куски ваты на бумагу, рисую маленькие овечьи головы, ножки и гибкий зеленый стебель, растущий прямо из животов импровизированных барашков. Он пока еще целый, и листья у него не обглоданные (и почему-то напоминают плющ, хотя, если верить информационной табличке в музее, они росли из хлопчатника, а там ведь совсем другие листья), а барашки... Барашки просто висят, беспомощно болтая в воздухе крошечными ножками, и смотрят грустно-грустно, как будто бы понимая, что

никуда им не деться: им в любом случае придется умереть от голода. Или же какой-нибудь венецианский путешественник сорвет их, лишит дома, чтобы подарить своей королеве, а те умрут в пути, поскольку за такими барашками нужен аккуратный уход — их желудочки просто не усваивают никакую другую траву, кроме той, на которой они росли...

Да, наверное, нет ничего странного в том, что они все вымерли. Но это грустно, ужасно грустно.

Я ложусь спать и не выключаю свет настольной лампы. Издалека в полутьме приклеенный к стенке листок с ватой кажется неаккуратной заплаткой, однако я-то знаю, что никакая это не заплатка: это мои тартарские барашки — живые, веселые и никогда не испытывающие чувства голода.